

Лит. Россия, 1980,
18 июня

● ИЗ ПРОШЛОГО

«СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, ДОЧЬ МОЯ!..»

Почти два десятилетия, изгнанный из Франции Наполеоном III, Виктор Гюго прожил добровольным отшельником на безлюдных скалистых островах в Атлантическом океане. Только изредка привычное одиночество нарушалось, и до него долетали «ветры с материка», принося волнующие свидетельства его славы.

Об одном таком случае рассказал в книге «Люди изгнания» сын писателя, также живший в изгнании. Журналист и беллетрист Шарль Гюго обожал своего отца и всю жизнь у него учился — и писательскому мастерству, и трудолюбию, и бескомпромиссности борца-гуманиста. Его статьи и фельетоны регулярно печатались во Франции, Бельгии, Англии. Книгу в 1875 году в Париже уже после смерти сына издал сам Виктор Гюго.

«Отцу моему шестьдесят семь лет... Он имел бы право быть старым, если бы жизнь его, заполненная борьбой и трудом,

не сохранила его молодым. Он достиг пожилого возраста без того, чтобы пожилой возраст достиг его. У него седые волосы, но усы его только слегка тронуты сединой; взор его ясен, ноги крепки, руки у него богатырские... У него хаотает даже наглости — по отношению к Империи — хорошо себя чувствовать...»

Вот он приехал с острова Гернси...

— Все эти дни, — говорит мой отец, — стояла штормовая погода, а море было бурно. Я ждал, пока прояснится, чтобы сесть на пароход, и переезд совершился отлично. Можно даже сказать, что он был полон очарования, так как меня порадовала одна встреча.

— В открытом море?

— Да, в открытом море. Я занял место подле капитана на мостике, соединяющем обе коробки над колесами. Люблю стоять там, когда нахожусь в море. Я смотрел. На что? Все было, как всегда: паровой

дым, пенная струя за кормой; алмазная пыль, разбрасываемая колесами в грохоте волн; кувырнание стада морских свинок, устроивших потасовку близ нас среди валов, над моей головой, на вершинах мачты — бедная чайка, уставшая от полета в открытом море и искавшая — не решаясь на это — отдыха на одной из рей... И вот я вижу, что капитан направляет подзорную трубу к горизонту: там появилось очертание шедшего нам навстречу корабля... То был великолепный трехмачтовик...

— Судно направляется в Бразилию, — сказал мне капитан.

Между тем корабль все больше и больше отрывался от горизонта. Он мчался, подобно ветру, и вскоре уже заскользил вблизи от нас. Двигался он и маневрировал с предельной быстротой. Видно было, как на палубе копошатся люди — суетятся пассажиры; экипаж занят работой: марсовые налажива-

ют оснастку танкелажа; видно было, как некоторые из них бросают марсели, другие поворачивают брашпиль. Матросы и юнги бегали взад и вперед по мачтовому лесу. Нет на свете ничего поразительней, чем это движение человека между небом и морем. Это словно видимая взору пружина человеческого духа. Матрос великолепен, а юнга исполнен прелести. Он остается ребенком и в то же время делается птицей. Юнга — это озорное дитя бури. Он взбирается на огромную мачту и карабкается в бесконечность. Слышатся пенье его и смех — они вместе с ним совершают кругосветное путешествие, — и я предался мечтам.

— Славное судно, не правда ли? — говорит мне капитан. И потом, снова приставив к глазу свою подзорную трубу, произносит: — Как же оно называется, это судно?..

Не знаю почему, но я как-то особенно живо заинтересовал-

ся великолепным трехмачтовиком, так быстро двигавшимся и устремлявшимся в такую даль. Я ждал его названия...

— Ну, так что же? — спросил я капитана. — Как оно называется, это судно?

— «Эсмеральда», — ответил капитан.

Ответ этот поразил меня. Я стоял, задумчивый и растроганный... Между тем корабль стал удаляться. И тогда, склонившись над перилами палубы, я протянул руку к утопающему в тумане видению и закричал ему вслед:

— Счастливого пути, дочь моя!..»

Все характерные особенности художественной манеры Виктора Гюго налицо в этом устном рассказе — эмоциональность, афористичность, романтическая приподнятость, щедрая рельефность пейзажа, богатство морских терминов. Гюго не может скрыть своего удовольствия от возможности щегольнуть эрудицией старого морского волка... Черта несколько наивная, но трогательно симпатичная в великом человеке.

Леонид ЛАНСКИЙ